

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027384-8

Клавдофора: Пришвин и два Платонова

© 2023 г. А. Н. Варламов

Доктор филологических наук, профессор,
ректор Литературного института имени А.М. Горького,
Россия, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
varlamov51@mail.ru

Резюме. М.М. Пришвина и А.П. Платонова принято рассматривать как писателей-единомышленников, представителей русского “космизма”, однако при жизни этих авторов связывали довольно непростые отношения и между ними не раз возникала полемика не только в литературной плоскости, но и по поводу вопросов природопользования и общественного блага. Так, Платонов весьма критически оценил повесть Пришвина “Журавлиная родина” и как писателя, и как мелиоратор. Еще одним раздражающим фактором в этом сюжете стало творчество платоновского литературного “двойника” Алексея Платонова и, в частности, его повесть “Макар – карающая рука”, опубликованная в том же номере журнала “Новый мир”, что и “Журавлиная родина”. В статье подробно рассматриваются скрытые, но при этом очень резкие выпады Андрея Платонова против Пришвина и литературной группы “Перевал”, нашедшие отражение в неопубликованном при жизни писателя предисловии к хронике “Впрок”, и высказывается предположение о том, почему это могло произойти.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, А.П. Платонов, журнал “Новый мир”, литературная группа “Перевал”, П.А. Романов (Алексей Платонов).

Для цитирования: Варламов А.Н. Клавдофора: Пришвин и два Платонова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 5–10. DOI: 10.31857/S160578800027384-8

“Clavdophora”: Prishvin and Two Platonovs

© 2023 Alexey N. Varlamov

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Rector of the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing,
25 Tverskoy Blvd., Moscow, 123104, Russia
varlamov51@mail.ru

Abstract. Mikhail Prishvin and Andrei Platonov are usually discussed as like-minded writers, proponents of Russian “cosmism”; however, during their lifetime, there existed a complex relationship between the two writers, and polemics arose between them more than once. Their debate was not limited to the literary plane; it expanded to include issues of environmental management and public good. Thus, Platonov very critically assessed Prishvin’s novella “Zhuravlinaya rodina” (“The Crane Homeland”) both as a writer and as a knowledgeable landscape ecologist. Yet another irritating coincidence, which added fuel to the annoyance, was the fact that Andrei Platonov’s literary “twin” – Alexey Platonov – happened to contribute his novella “Makar – karaiuschaya ruka” (“Makar-the-Punishing-Hand”) to the very same issue of the “Novy Mir” journal that contained “The Crane Homeland”. The present article examines in detail the hidden, but at the same time very cutting remarks by Andrei Platonov aimed against Prishvin and the literary group “Pass” – the remarks, which found their way into the posthumously published preface to his chronicle “Vprok” (“For the future”). The article ventures to account for such a stance.

Key words: Mikhail M. Prishvin, Andrei P. Platonov (Klimentov), “Novy Mir” literary magazine, the “Pereval” (“Pass”) literary group, Peotr A. Romanov (Alexey Platonov).

For citation: Varlamov, A.N. *Klavdofora: Prishvin i dva Platonova* ["Clavdophora": Prishvin and Two Platonovs]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 5–10. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027384-8

В истории русской литературы XX века есть два замечательных писателя, чьи фамилии не только начинаются на одну букву и их книги стоят рядом на книжных полках, но и в целом их творчество часто рассматривается как своеобразный заочный диалог единомышленников, ну или по крайней мере авторов, достаточно близких по своему мироощущению. Речь идет о Михаиле Пришвине и Андрее Платонове. Немало научных исследований посвящено общности тем, которые обоих волновали. Достаточно назвать такие серьезные работы, как книги “Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 1920-х — начала 1930-х годов)” Е.А. Яблокова [1], «Путешествие в человечество, эскиз к теме “Платонов и Пришвин”» А.А. Дырдина [2], диссертацию “Философия природы в творчестве М.М. Пришвина и А.П. Платонова” Ю.С. Мохнаткиной [3].

Вместе с тем, надо признать, что в реальной литературной жизни 1920–1930-х годов два писателя выступали скорее как оппоненты. Точнее, оппонентом, и очень яростным оппонентом Михаила Пришвина, был Андрей Платонов. В опубликованной в 1940 году в “Литературном критике” рецензии на книгу Пришвина “Неодетая весна” Платонов предъявлял ее автору весьма жесткий счет. Отрицая “лживую натурфилософию” ухода от человеческого общества, Платонов обвинял старшего собрата в эгоизме и нежелании “преодолевать в ряду со всеми людьми несовершенства и бедствия современного человеческого общества”, укорял его в бесплодном поиске «немедленного счастья, немедленной компенсации своей общественной ущемленности... в природе, среди “малых сих”, в стороне от “тьмы и суеты”, в отдалении от человечества, обреченного в своих условиях на заблуждение или даже на гибель, как думают эти эгоцентристы». Этот сюжет хорошо известен и был не раз описан историками литературы. Менее осмыслен другой критический выпад Платонова в адрес Пришвина, случившийся десятью годами ранее и ставший в каком-то смысле прологом к будущей резкой рецензии на “Неодетую весну”.

Речь идет о предисловии Платонова (оно называлось “От составителя”) к хронике “Впрок”. Сама хроника увидела свет в журнале “Красная новь” весной 1931 года, а что касается предисловия,

то история создания этого неопубликованного при жизни писателя и обнаруженного в его архиве много лет спустя документа была проанализирована в статье Н. Умрюхиной «Первая редакция повести “Впрок”» [4].

Платоновский текст носит чрезвычайно страстный полемический характер, направленный против идей “моцартианства” в искусстве, которые выдвигала литературная группа “Перевал”. “Вопреки с мнением тех идеологических паразитов, которые признают искусство действительностью, пропущенной через эмоционально-индивидуальные, ароматические особенности автора и еще дополнительно окрашенной в эти благоухающие качества писателя, — писал Платонов, — литература должна происходить из чувства коллектива и представлять из себя не букет индивидуальных ощущений, годный лишь для излишества, а — хлеб наш насущный... Литература не служанка для пролетарской революции — рабынь последней не нужно — а ее младшая сестра, такая же мужественная, желающая, чтобы старшая сестра воспитала ее впрок” [4, с. 86–87].

Действительно ли Платонов верил в то, что литературу должен кто-то воспитывать, вопрос спорный, во всяком случае он-то, очевидно, никаких “воспитателей” над собой никогда не признавал и весьма болезненно реагировал на любую критику, но в аспекте интересующей нас темы чрезвычайно любопытен следующий фрагмент его размышлений: “Сальери, конечно, может лишь думать своим рассудком, но не может непосредственно усваивать им коллективного, классового исторического опыта; от этого и сохнет и мучается Сальери, и по заслугам не уважает свой бескровный разум, к которому нет питательной жилы из коллектива, а для равенства в силах, для самоуважения Сальери стремится уничтожить и чужой разум, беря себе на помощь интуицию, то есть нечто произвольно зарождающееся, — дар от бога, а не от людей, ибо к ним Сальери не знает дороги. Он хочет, чтобы и люди питались этой интуицией, а не рассудком, — собственной личностью, а не из коллективного источника. Он бы желал, чтоб насущный ржаной хлеб сознания пропал на земле и в пищу пошла бы подводная клавдофора — редчайшее реликтовое растение из девственных болот, не имеющее никакой пользы для сытости трудящегося человека” [4, с. 87].

Ключевое слово здесь — клавдофора, позволяющее однозначно определить не названную Платоновым критическую мишень, ибо за сохранение сей уникальной водоросли, произрастающей лишь в единственном озере в пойме реки Дубны, да еще где-то на севере Германии, боролся не кто иной, как Пришвин, и именно эта похожая на волшебный шар бархатно-зеленая подводная трава и стала причиной конфликта между двумя классиками XX века.

Пришвин, как будто предугадывая аргументы противников сохранения редкой водоросли, воспроизводит в "Журавлиной родине" — своей важнейшей книге, посвященной природе творчества, — следующий диалог между крестьянином из Талдомского уезда и московским городовым в дореволюционное время:

Он стал с корзиной на Кузнецком, угол Петровки. Сразу окружили его разные люди, и все в один голос:

— Едят?

— Нет, — ответил он, — это не для еды.

— А для чего же?

— Для красоты.

Одни подивились, покачали головой и ушли. Другие приходят.

— Едят?

— Похлебка выходит отличная.

— Почему?

— Двугривенный.

Показалось недорого. Стали бойко покупать. И вдруг городской:

— Покажи права!

— На это права не берут: эту вещь не едят, не варят, не жарят, она только на удивление, красота и больше ничего.

Взял городской один шар, посмотрел, повертел, помял, ковырнул пальцем, пожевал, сплюнул.

— Правда, — говорит, — вещь эта для государства бесполезная и налога за нее не возьмешь. Тоже вещь эта несъедобная, себе взять незачем и тебе дать в морду нельзя: вещь мягкая. А все-таки лучше ты с ней уходи.

Конечно, я писал с хитрецей, прославляя дело мелиораторов, но я спрашивал, известно ли что-нибудь о спуске озера ученым, которым вверено дело охраны памятников природы. В этой фразе и был мой прицел публициста, потому что не мог же я не догадаться, что ученые тут проморгали, а инженеры их обошли [5, с. 387–388].

И чуть раньше: "Тяжело мне было думать, въезжая в Заболотское озеро, что через какой-нибудь месяц чья-то техническая причуда обратит этот редчайший памятник природы в десятиверстный непроходимый ковш грязи" [5, с. 387].

Таким образом, врагом клавдофоры, этого, по выражению Пришвина, "удивительного сердца Земли", "сохраняющего лучистую энергию солнца, тайну всеобщего творчества жизни", выступает как власть дореволюционная в лице

городового, так и представители власти нынешней в лице мелиораторов и инженеров, то есть тех, кто стремился реликтовое болото осушить и использовать для сельскохозяйственных нужд.

Очевидно, что отдавший много лет мелиорации инженер Платонов не мог не воспринять затаенные пришвинские слова как прямой выпад против самого себя и представителей своей профессии, и, таким образом, его критика лежала не только и не столько в плоскости литературной, сколько в отношении к вопросам природопользования, и, если так можно выразиться, касалась "чести мундира". И вот здесь наши авторы действительно выступали как самые настоящие антагонисты. Пришвину было важно природу сохранить, а тяжело пережившему голод 1921 года и писавшему о ту пору, что природа — враг, природа — белогвардеец, природа — контрреволюционер, Платонову — преобразовать ее в пользу трудящегося человека. Пришвин мелиораторов порицал, Платонов — защищал. Один хотел землю улучшить, изменить, другой полагал, что земля сама знает, какой ей быть, и менять на ней ничего не надо.

Ирония этого сюжета состояла еще и в том, что деятельность губернского мелиоратора Платонова протекала в Воронежской губернии, и одним из ее объектов стали верховья реки Тихая Сосна. "Все эти реки, о которых мы учили в учебнике географии: Воронеж, Битюг, Хопёр, Тихая Сосна... их нет. Они заросли камышом. Если раздвинуть камыш, то внизу между камышинками мокро. Платонов прочищает реки. Товарищ Платонов ездит на мужественном корыте, называемом автомобилем..." — писал Виктор Шкловский, встретившийся с Платоновым летом 1924 года в разгар мелиоративной деятельности последнего. Тихая Сосна есть та самая река, по которой нерадивый ученик елецкой гимназии Миша Пришвин совершил в 1885 году побег в Азию, за что его похвалил учитель географии В.В. Розанов, кого будет увлеченно читать посреди воронежского чернозема Платонов и тем поразит Виктора Шкловского, автора одной из первых советских книг о Розанове. То есть Платонов-мелиоратор не только Пришвину досаждал, но и, в сущности, спасал его любимую реку от обмеления. Впрочем, это неизвестное Михаилу Михайловичу обстоятельство к нашему основному сюжету прямого отношения не имеет и любопытно скорее как некий казус и еще одна нить, связующая столь разных персонажей, включая Розанова, но вот что по-настоящему интересно и важно, так это попытаться ответить на вопрос: неужели Пришвин действительно

до такой степени прогневал Платонова своей клавдофорой и, в сущности, не такими уж и резкими нападками на “луговых мастеров”, что именно его, казалось бы, далекого от острых вопросов современности, тихого охотника-натуралиста и воспитателя охотничьих собак, автор предисловия к хронике “Впрок” избрал в качестве своего главного врага и объявил “Сальери нашего времени”, не позабыв этой обиды и десять лет спустя? Но за что? Почему? И вообще, какое было дело Платонову до “Перевала”, тем более что в эту группу входили его воронежские товарищи Андрей Новиков и Николай Тришин, вместе с которыми он успешно работал в “Крестьянской радиогазете”? И наконец, как и почему он вообще на “Журавлиную родину” наткнулся?

Выскажем предположение, что, помимо категорического несогласия с пришвинским отрицанием мелиорации и его борьбой за бесполезную для трудящегося человека клавдофору¹, возмущение Платонова могло вызвать еще одно, на первый взгляд, курьезное, а в действительности весьма серьезное обстоятельство. “Журавлиная родина” печаталась весной 1929 года в “Новом мире”, и если мы возьмем майскую книжку этого журнала, то увидим, что на ее обложке присутствуют два автора: Пришвин и... Платонов. Но не Андрей, а его практически ровесник (он родился в 1900 году) и чем-то даже внешне похожий на него — Алексей, и именно этот второй А. Платонов и стал своего рода триггером завязавшейся дискуссии о различных подходах к окружающей среде и вопросам природопользования. Больше того, кто знает, не будь повесть Алексея Платонова с ее вызывающим, возмутительным названием (об этом чуть ниже) опубликована в том же журнале, что и “Журавлиная родина”, автор хроники “Впрок” о пришвинском сочинении, возможно, ничего бы не узнал, как

¹ Ср. также в “Журавлиной родине”: «Все поручаемые человеку вещи на земле носят такой коварно противоречивый характер, как будто творец создавал их, просто играя, исключительно ради своего удовольствия, но в момент передачи их смазал долгом, как дегтем, отчего вся жизнь для человека на земле получилась: “В поте лица своего добывая хлеб”. Но Клавдофора как была игрушкой, так и осталась... А еще мне приходило в голову, почему бы не написать мне свой роман, как пишут публицисты свои статьи, кого-то ими спасают, кого-то защищают, хотя по этим статьям до того непонятно — правду сказал публицист или наврал, что для разбора наряжают от газеты целую специальную следственную комиссию. В настоящем художественном произведении не может быть лжи, так почему же врали спасают все, что хотят, а я своим правдивым романом, построенным, как публицистическая статья, не могу спасти драгоценную жизнь Клавдофоры?» [5, с. 391].

не узнал бы и о волшебной клавдофоре, и не стал бы на Пришвина столь сильно гневаться. Но возмутительное соединение двух фамилий не могло пройти бесследно, особенно если учесть, что оба новомирских автора — и Алексей Платонов, и Михаил Пришвин — были, как назло, членами “Перевала”.

Алексей Платонов — личность не столь известная, как его великий однофамилец, однако в те времена двух Платоновых нередко путали либо считали одним человеком (так, одна из рецензий на “Епифанские шлюзы” начиналась словами: “Автора этой книги легко смешать с другим Платоновым, Алексеем. Оба они пролетарские писатели, оба одновременно прозаики и поэты”), и “главного” Платонова это не могло не огорчать, учитывая то, как болезненно он относился к двойничеству вообще. В “Записных книжках” с примечанием “Это важнейшее!” Андрей Платонович отмечал: “Когда я вижу в трамвае человека, похожего на меня, я выхожу вон”; “Я не смотрюсь никогда в зеркало, и у меня нет фотографий”; “Если я замечу, что человек говорит те же слова, что и я, или у него интонация в голосе похожа на мою, у меня начинается тошнота”.

Настоящее имя платоновского литературного “двойника” было Петр Алексеевич Романов, которое он после революции по понятным причинам поменял. Почему он взял при этом фамилию Платонов — неведомо, однако его жизненный путь действительно был чем-то похож на биографии героев Андрея Платонова. “Сын сельского пастуха, Алеша², чье детство прошло в нищете, 14-летним мальчиком (таких не брали на войну) ушел зарабатывать. Плавал матросом по Волге. Потом стал штурвальным на буксирных судах нефтештормов. Через месяц после Октябрьской революции 18-летний юноша вступает в партию, идет в армию, воюет на Южном фронте в 10-й армии рядовым бойцом, становится политработником, участвует в обороне Царицына”, — вспоминал хорошо знавший его писатель, журналист и фотограф Макс Поляновский.

Чем — если не считать политработника — не платоновский “сокровенный человек” Фома Пухов? Да и новомирская повесть Алексея пусть и уступала по своим художественным достоинствам прозе Андрея, но драматическое изображение человеческих характеров на Гражданской войне платоновскому миру не противоречило, недаром платоноведы одно время своему “кормильцу” его сочинения приписывали.

² Точнее было бы сказать Петя.

В сущности, Алексей Платонов вольно или невольно выступал по отношению к Андрею Платонову в роли литературного спойлера, как сказали бы мы сегодня, а какому автору такое понравится? Но самое поразительное и в каком-то смысле скандальное в том загадочном сюжете — название его повести. Опубликованная вместе с «Журавлиной родиной» она называлась «Макар — карающая рука», то есть в ней было использовано то же самое имя, которое буквально через три месяца появится в сентябрьской книжке журнала «Октябрь» за 1929 год в рассказе Андрея Платонова «Усомнившийся Макар», и опять же остается только догадываться, что испытал «настоящий» Платонов, все это увидев. Мало этого, у читателей-то ведь создавалось впечатление, что Алексей Андрея опередил, и, следовательно, опоздавший должен был своего героя либо переименовать, либо смириться. Однако, во-первых, внести исправления в текст скорее всего было трудно чисто технически, ибо рассказ в «Октябре» уже набрали, а во-вторых, надо учесть то обстоятельство, что имя Макар было занято Андреем Платоновым в упоминавшейся «Крестьянской радиогазете», с которой он сотрудничал начиная со второй половины 1928 года, а может быть, и ранее, и первые рассказы о Макаре появились именно там и тогда. Таким образом, исключительное литературное право на «Макара» принадлежало все-таки Андрею. Но знал ли об этом Алексей? Случайно он нарек своего героя Макаром или же своего однофамильца «троллил»? Если да, то с какой целью? Этого не скажет теперь наверняка никто, однако совпадение имен и мотивов могло быть прочитано как горькая насмешка, розыгрыш, если не целый литературный заговор: один автор «Нового мира» нападает на мелиораторов, другой крадет имя героя, и оба при этом состоят на учете в «Перевале», куда еще и Андрея против его воли также по ошибке записали. Как тут было не возмутиться и не ответить? Не заявить, что он не только не имеет никакого отношения к «Перевалу», но сознательно выступает против его идей, тем более что Платонов был вспыльчив и имел обыкновение своим литературным оппонентам публично отвечать?

Итогом всех этих случайных либо неслучайных совпадений и стало платоновское раздражение, вылившееся в горячее, лихорадочное предисловие к «Впроку». И хотя, повторим, оно не было опубликовано, так и оставшись в писательском архиве, факт этот весьма показателен, и здесь можно сделать не научное, но чисто художественное предположение, или, лучше сказать, произвольное допущение. Покатившийся

с вершины камешек платоновской личной обиды мистическим образом спровоцировал негативную реакцию куда более могущественного политического деятеля. Именно два платоновских сочинения — «Усомнившийся Макар» и, в особенности, хроника «Впрок» — обрушили на своего создателя целую лавину сталинского гнева, навсегда испортив Платонову прижизненную литературную репутацию и исковеркав его судьбу. Недаром Андрей Платонович так не любил своих двойников...

Что же в итоге? Клавдофора безвозвратно погибнет³, Платонов будет на несколько лет отлучен от литературы, а Пришвин в 1931 году объявит о своем выходе из «Перевала» и, по собственному выражению, как «отрок в каменной печи» пересидит сталинское лихолетье. Однако в 1946-м, когда у его гениального зоила после публикации в «Новом мире» рассказа «Возвращение» вновь настанут тяжкие времена и он обратится к обработке народных сказок, именно не помнивший обиды Пришвин даст свое положительное заключение, и эта рекомендация Платонову весьма поможет. Что же касается третьего участника той странной истории, всеми забытого Алексея Платонова, то в 1937 году он был исключен из партии и, как считалось, репрессирован⁴, однако мемуарное свидетельство М.Л. Поляновского говорит о том, что Петр Алексеевич Романов-Платонов погиб в народном ополчении под Ельней в октябре 1941 года. Могила его неизвестна, а имя выбито на мемориальной доске с фамилиями московских писателей, не вернувшихся с Великой Отечественной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яблоков Е.А. Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 1920-х — начала 1930-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 55–71.

³ Хотя, как знать, возможно, именно слово «клавдофора» фонетически и семантически натолкнуло Пришвина назвать свою знаменитую, классическую повесть «Кладовая солнца».

⁴ Ср. в статье А.Ю. Овчаренко [6]: «В 1937 г. Алексей Платонов был исключен из партии, затем, очевидно, арестован и расстрелян. В фонде редакции «Литературной газеты» в РГАЛИ сохранился документ, проливающий свет на причины этого: «Недавно партийной организацией Гослитиздата был исключен из партии бывший перевалец Алексей Платонов, автор книги «Макар — карающая рука», в которой он с восторгом писал о Троцком. Эту пакость он переиздал в 1934 году». Восторженное отношение к Л. Троцкому в то время было страшным обвинением».

1. Yablokov, Ye.A. *Khudozhestvennaya filosofiya prirody (tvorchestvo M. Prishvina i A. Platonova serediny 1920-kh – nachala 1930-kh godov)* [Artistic Philosophy of Nature (Creativity of M. Prishvin and A. Platonov in the Mid-1920s – Early 1930s)]. *Sovetskaya literatura v proshlom i nastoyashchem* [Soviet Literature in the Past and Present]. Moscow, 1990, pp. 55–71. (In Russ.)
2. Dyrdin, A.A. *Puteshestviye v chelovechestvo. Eskiz k teme “Platonov i Prishvin”* // Энциклопедия творчества А. Платонова [Электронный ресурс: URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin6.html].
3. Mokhnatkina, Yu.S. *Filosofiya prirody v tvorchestve M.M. Prishvina i A.P. Platonova. Dis. ... kand. filol. nauk.* Владимир, 2005.
4. Umryukhina, N. *Pervaya redaktsiya povesti “Vprok”* // Архив А.П. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 81–146.
5. *Пришвин М.М. Собр. сочинений: В 6 т. Т. 4.* М.: ГИХЛ, 1957.
6. Овчаренко А.Ю. Два Платоновых: кто же был членом Содружества писателей революции “Перевал”? // Вестник РУДН. Серия “Вопросы образования: языки и специальность”. 2011. № 1. С. 116–120.
2. Dyrdin, A.A. *Puteshestviye v chelovechestvo. Eskiz k teme “Platonov i Prishvin”* [Journey into Humanity. Sketch for the Subject “Platonov and Prishvin”]. *Entsiklopediya tvorchestva A. Platonova* [Encyclopedia of Creativity of A. Platonov]. URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin6.html (In Russ.)
3. Mokhnatkina, Yu.S. *Filosofiya prirody v tvorchestve M.M. Prishvina i A.P. Platonova. Dis. ... kand. filol. nauk* [Philosophy of Nature in the Work of M.M. Prishvin and A.P. Platonov. Dis. ... Cand. Philol. Sciences]. Vladimir, 2005. (In Russ.)
4. Umryukhina, N. *Pervaya redaktsiya povesti “Vprok”* [The First Edition of the Story “For the Future”]. *Arkhiv A.P. Platonova. Kn. 1* [Archive of A.P. Platonov. Book 1]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 81–146. (In Russ.)
5. Prishvin, M.M. *Sobr. sochineniy: V 6 t. T. 4* [Collected Works: In 6 volumes. Vol. 4]. Moscow, GIHL Publ., 1957. (In Russ.)
6. Ovcharenko, A.Yu. *Dva Platonovykh: kto zhe byl chlenom Sodruzhestva pisateley revolyutsii “Pereval”?* [Two Platonovs: Who was a member of the Commonwealth of Writers of the Revolution “Pass”?]. *Vestnik RUDN. Seriya “Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost”* [Bulletin of RUDN University. Series “Educational Issues: Languages and Specialties”]. 2011, No. 1, pp. 116–120. (In Russ.)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 30 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 июня 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 30, 2023
 Revised on June 7, 2023
 Accepted on June 15, 2023
 Date of publication: August 31, 2023